

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

*Сборник Всероссийского семинара молодых ученых
им. П.В. Копнина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. ТАРСКОГО И НЕДООПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИСТИНЫ*

Н.А. ТАРАБАНОВ

Предлагается экспликация семантической концепции Тарского, с тем чтобы прояснить вопрос о том, какое определение истины может быть названо точным, то есть каким условиям оно должно удовлетворять, чтобы в буквальном смысле являться дефиницией «истины». В ходе рассмотрения этих условий оказывается, что область применимости точного определения истины, как его формулирует Тарский, ограничивается формализованными языками, которые не содержат никаких интенциональных выражений. Кроме того, это определение в силу своего экстенционального характера не предполагает никакого значения, а следовательно, не может быть названо определением в полном смысле.

1. Критерии точного определения истины в семантической концепции

Тарский пишет, что определение истины, которое он собирается сформулировать, призвано не «уточнить значение известного слова, используемого для обозначения некоторого нового понятия, напротив, оно должно выразить реальное значение старого понятия» [3, с. 91]. Это старое понятие выражено в хорошо известном отрывке из «Метафизики» Аристотеля: «<...>говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» [1, с. 49]. Поэтому конечная цель предлагаемого Тарским точного определения – связать его с интуициями, закрепленными в классической аристотелевской концепции истины, согласно которой «истинное – это всего лишь согласующееся с действительностью» [2, с. 20].

При определении «истинного» решающим оказывается вопрос о носителях истины (truth bearer), то есть вопрос о том, что мы называем истинным или ложным. Носители истины должны быть ясно охарактеризованы, поэтому Тарский отказывается от «пропозиции», поскольку считает, что это понятие является неясным. Предложения довольно легко и ясно определяются, пропозиции же метафизичны по своей сути. Только предложения, главным образом повествовательные, становятся по-настоящему оправданными носителями истины. Предложения являются физическими объектами, форма которых определяется синтаксическими правилами. Такого рода объекты («предложения») Тарский называет «конкретными, структурно-описательными выражениями» [2, с. 24], то есть это в буквальном смысле материальные объекты. Более того, «предложения» следует понимать как «целые классы надписей, эквивалентных с некоторой данной надписью» [2, с. 24]. Истина же «выражает свойство (или обозначает класс) определенных выражений, а именно предложений» [3, с. 96].

Таким образом, в качестве носителей истины Тарский выделяет именно предложения (или их классы). Однако необходимо отметить, что то, в каком смысле говорит о предложениях Тарский, исключает большое множество контекстно-зависимых вы-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-06-90801.

сказываний, то есть таких, истинностное значение которых определяется исходя из контекста: например, такое предложение, как «Я голоден». Поэтому следует помнить, что семантическая концепция истины разрабатывалась Тарским исключительно для формализованных языков, которые не содержат никаких интенциональных выражений (то есть тех, которые зависят от контекста: местоимения, демонстративы и др.).

Главным условием точного определения истины является критерий материальной адекватности, который отражает оправданность всякого использования предиката «истинно»: предложение «снег бел» будет истинным тогда и только тогда, когда снег бел. Наиболее точное определение истины должно включать в себя все предложения соответствующей формы: они должны быть материально адекватными. Формальным выражением критерия материальной адекватности стала известная «эквивалентность вида *T*» (Конвенция *T*):

(Т) *X* истинно тогда и только тогда, когда *p*.

В схеме (Т) «*X*» – это имя предложения *p* [3, с. 95]. Если определение содержит все предложения формы (Т), то оно является адекватным.

Тарский с подозрением относился к повседневному употреблению предиката истины в естественных языках из-за возможности формулирования предложений, которые приводят к парадоксальным следствиям (например, «Это предложение ложно»). Кроме того, естественные языки не позволяют выявить четкие критерии для адекватного определения «истины», поскольку нет возможности точным образом выявить формальные структуры этих языков. По этим причинам формально и материально адекватное определение дается Тарским исключительно для четко определенных формализованных языков, структура которых выявляется посредством однозначной характеристики класса «тех слов и выражений, которые должны считаться осмысленными» [3, с. 97]. Более того, структура формализованных языков обнаруживается исключительно через отсылку к *форме* соответствующих ей выражений. В этом смысле вполне оправданно утверждать, что Тарский предлагает экстенциональное определение истины, которое апеллирует лишь к форме всех возможных правильно построенных выражений, исходя из структуры точно определенного языка. В то же время Тарский признает, что определение предиката истины в рамках естественного, неформализованного, языка проблематично, поскольку всякое такое определение лишь приблизительно. Тогда как за семантикой должен признаваться статус точной науки, которая со временем станет полностью формализованной и «заменит повседневный язык в научных рассуждениях» [3, с. 98].

Семантика сталкивается с рядом проблем (главная из которых – антиномия лжеца), когда имеет дело с семантически замкнутыми языками. Это языки, которые содержат выражения, имена этих выражений (наподобие имени «*X*» для предложения *p* в схеме (Т)), правила для адекватного употребления терминов, выражений и построения вторых из первых [3, с. 99–100]. В итоге, всё, что может быть сказано осмысленного в семантически замкнутом языке, определяется исключительно в терминах этого же языка, безотносительно к чему-либо извне. Таким языком является естественный язык, в котором мы постоянно сталкиваемся с антиномиями типа «это предложение ложно».

2. Экстенциональный характер точной дефиниции

Определение истины, как его формулирует Тарский, является чисто экстенциональным, то есть оно характеризует класс всех предложений, истинных в силу того, что они отвечают критериям материальной *адекватности* и выполнимости. Другими словами, «истинное предложение» обозначает множество объектов, удовлетворяющих изложенным выше условиям формально и материально адекватного определения истины. И хотя такое определение не применимо, согласно Тарскому, для естественных языков, однако оно обеспечивает экстенциональную характеристикой выражения «истинное предложение».

Как известно, разные выражения могут иметь один и тот же экстенционал, то есть могут использоваться для обозначения одних и тех же вещей. Обратимся к классическому примеру, который приводит Г. Фреге [4]: выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» имеют один и тот же экстенционал, обозначающий множество, единственным членом которого является планета Венера. Тарский определяет истину в экстенциональных контекстах: подстановка слова «снег» вместо x в выражении « x бел» (то есть использование этого слова для интерпретации пропозициональной функции) дает в результате истинное предложение, если то, что подпадает под экстенционал термина «снег», подпадает также под экстенционал предиката «белый».

Работая в экстенциональном контексте, Тарский не учитывает значения выражений, используемых при подстановке в пропозициональных функциях вместо переменных, то есть не учитывает интенционалы этих выражений, зависящих от времени и места (например, местоимения «он», «она», указательные местоимения «это», «тот», наречия «здесь», «там» и др.): интенционалом выражения является его значение в определенном контексте. Таким образом, Тарский обращается к анализу экстенционала «истинного предложения», а не (по крайней мере, не главным образом) значения «истины».

Достаточно сказать, что для Тарского значение «истины» исчерпывается логической конъюнкцией всех истинных предложений данного языка, что отвечает строгому определению предиката «истинно». Однако остаются два вопроса. Во-первых, требуется ли для замены переменной пропозициональной функции понимать значение выражения (знать его интенционал)? Во-вторых, каково значение «истина» в противоположность предикату «истинно»? Тарский не дает ответы на эти вопросы. Для него вопрос «что есть истина?» должен адресовываться исключительно к предложениям и способам приписывания им предиката истины.

Следует обратить внимание на важный вопрос об интерпретации пропозициональной функции, благодаря которой и возможно приписывание истинностного предиката. Исходя из проведенной экспликации семантической концепции Тарского очевидно, что неинтерпретированные функции не являются ни истинными, ни ложными. Только благодаря процедуре интерпретации они получают свое истинностное значение. Но для того чтобы осуществить интерпретацию некоторой функции, представленной в естественных или формальных языках, необходимо понимать термины, составляющие ее формальную структуру. Однако вопросы понимания языка (естественного или формального) не включены в проведенный Тарским анализ понятия «истины». Это кажется несколько странным, поскольку Тарский называет свою концепцию *семантической*, хотя предпринятое им исследование истины фактически оказывается сугубо синтаксическим, не зависящим от значений, входящих в формальную структуру языка, для которого так важно определить понятие «истина».

Семантическое определение истины часто критикуется на том основании, что оно принципиальным образом исключает из рассмотрения естественный язык, ограничиваясь лишь исследованием функционирования истинностного предиката в четко определенных формальных, то есть искусственных, языках. Такое исключение из предмета исследования естественного языка обусловило экстенциональный характер семантического проекта Тарского, настаивающего на включении в анализ истинности предложений только однозначных, точных имен объектов. Указательные местоимения и разнообразные интенциональные контексты должны быть исключены из анализа в силу собственной неопределенности.

Таким образом, исходя из экспликации сформулированного Тарским точного определения истины, становится ясным следующее: 1) это точное определение является частным, то есть применимым исключительно для формализованных язы-

ков, что и является основным его ограничением; 2) в силу своего экстенционального характера, такое определение не дает значения «истины», а лишь характеризует класс всех предложений, истинных в силу того, что они отвечают критериям материальной адекватности и выполнимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метафизика. М.: ЭКСМО, 2005.
2. *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*. М.: РОССПЭН, 1999.
3. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология)*. М.: Изд-во МГУ, 1998.
4. *Фреге Г.* Логические исследования. Томск: Водолей, 1997.